

отождествляет апелатов с разбойниками (это, кстати, не подтверждается известными нам версиями)⁵⁸, то и враждебность к разбойникам знакома фольклору — взять хотя бы русские народные былины об Илье Муромце. С другой стороны, и в самих греческих акритских песнях отношение к Филопаппу отнюдь не всегда благожелательно⁵⁹. Так, в одной из песен Дигенис нападает на Филопаппа, посланного сватом и не выполнившего данного ему поручения⁶⁰. Замена старых народных героев новыми (с естественным принижением первых) вполне могла совершаться в рамках фольклора, откуда и перешла в ученую поэму; видеть здесь результат феодальной антипатии вряд ли есть необходимость.

Заметим в этой связи, что текст поэмы не дает достаточных оснований и для трактовки апелатов как «представителей трудящихся, поднимающих возмущения против несправедливости существующих порядков»⁶¹. А. П. Каждан, на наш взгляд, несколько переоценивает стих *T* 1078, прямо свидетельствующий, по его мнению, «о том, что апелаты выступают против архонтов»⁶². В этом месте, однако (после стиха 1078 в *T* лакуна, восстанавливаемая с помощью *A* 1617 сл.), Филопапп лишь предлагает Дигенису (тоже «архонту») подстеречь знатную свадебную процессию, ворваться в середину, похитить жениха и невесту (или только новобрачную) и доставить их апелатам — так докажет он свою силу: *ὅταν πρῶτον οἱ ἀρχόντες μετὰ πολλοῦ τοῦ πλήθους ἔχοντες νόμφην καὶ γαμβρὸν ἢ ἐμπλῆς εἰς τὸ μέσον, ἢ πύργης νόμφην... ἐδῶ ἢ τὴν ἐφέρης...* и т. д. Здесь, конечно, Филопапп говорит об одном из характерных «подвигов» апелатов, но видеть в этом задании или в упоминавшихся уже попытках апелатов похитить жену Дигениса борьбу против социальной несправедливости вряд ли есть основания. Поэма, как уже отмечалось, и самих апелатов называет «благородными» (*Ἐ* 624); говорит она и о славном происхождении Максимо (*ΓΦ* VI, 386 — 387) — родственницы Филопаппа, Киннама и Иоаннакиса. Вспоминающий о своих победоносных походах Филопапп (*ΓΦ* VI, 355 сл.; *T* 2227 сл.; *A* 3304 сл.) весьма похож на знатного византийского военачальника. То же можно сказать и о первом воине Максимо — Мелимидзисе, набирающем в ее войско апелатов (*ΓΦ* VI, 427 сл.); не исключено, кстати, что возможным историческим прототипом этого предводителя апелатов был стратег фемы Ликанд Мелиас⁶³.

Все это вряд ли дает возможность ставить апелатов «Дигениса» в один ряд с *latrones* и *scamarae*⁶⁴ или видеть в отношении к апелатам какие-либо следы феодальной идеологии. Следует еще раз подчеркнуть, что для Дигениса апелаты — не слуги и не бунтовщики, а неудачливые соперники. Исследователи не без оснований сопоставляли апелатов, выведенных в «Дигенисе Акрите», с клефтами — любимыми героями новогреческих

⁵⁸ Поэма нигде не называет апелатов разбойниками (*λησταί*) — последние упоминаются здесь совершенно самостоятельно (*ΓΦ* I, 296 — подчинение эмиром разбойников; *ΓΦ* III, 308 — слова эмира Дигенису о том, что тот подчинит разбойников; *ΓΦ* V, 216, *T* 1617, *A* 2504 — о Мусуре, нигде не названном апелатом).

⁵⁹ Ср. А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 88; е го ж е. Деревня..., стр. 367—368.

⁶⁰ P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 175—176.

⁶¹ А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 87.

⁶² Там же; ср. е го ж е. Деревня..., стр. 367.

⁶³ H. Grégoire. Notes epigraphiques, VII. Mélias le Magistre. Byz., VIII, 1933, p. 79—88; N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Aktitas. BZ, XXIX—XXX, 1929—1930, S. 216.

⁶⁴ А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 87.